

С.Н. Хомченко

**БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ
К.-А. ГАЙЗВАЙТ ВАН ДЕР НЕТТЕНА,
КАПИТАНА 11-ГО ГУСАРСКОГО
(ГОЛЛАНДСКОГО) ПОЛКА ВЕЛИКОЙ АРМИИ**

Голландец Корнелис-Антониус Гайзвайт ван дер Неттен (Geisweit van der Netten) (1771–1847) в 1786 г. поступил на службу в национальную гвардию. Затем стал кадетом в пехотном полку ван Сальма и при обороне Амстельфена попал в плен к пруссакам. Возвратившись, поступил в знаменитый австрийский гусарский полк Бланкеништайна, в 1788–1789 гг. участвовал в походе против Турции, в 1792 г. – против Франции. В 1794 г. вернулся на службу в нидерландскую армию кадетом в полк Оранжевых карабинеров. В 1795 г. стал 2-м лейтенантом 2-го кавалерийского полка, в 1799 г. воевал в Голландии против англо-русской экспедиции. В 1804 г. произведён в 1-е лейтенанты 2-го полка лёгких драгун, в 1806 г. – в ротмистры и направлен инструктором в гусарский полк гвардии короля Людовика Бонапарта. После присоединения Наполеоном Голландии к Французской империи в 1810 г., полк стал 11-м гусарским французской армии. Гайзвайт ван дер Неттен в составе 3-го армейского корпуса Великой армии участвовал в русском походе, прошёл путь до Москвы и Богородска, попал в плен на Березине, откуда был отправлен в Чёрный Яр Астраханской губернии. Вернулся на родину в начале сентября 1814 г., в октябре был принят на службу в Военный департамент, вскоре произведён в майоры 1-го полка карабинеров. В 1815 г. переведён директором школы верховой езды в основанную в Дельфте Артиллерийскую и инженерную школу. В 1822 г. произведён в подполковники и стал рыцарем ордена Нидерландского Льва. В 1835 г. отправлен в отставку в чине полковника, но остался на государственной службе, в 1838 г. вышел на пенсию в звании генерал-майора.

Корнелис-Антониус Гайзвайт ван дер Неттен был плодовитым военным писателем, автором множества статей и книг по военной истории. Он также оставил рукописные мемуары о Русской кампании, впервые опубликованные в 2016 г.¹ Однако сохранились и другие, более подробные записи по 1812 году. В частности, в 1858 г. в голландском журнале «Военный обозреватель» была опубликована статья «В ночь после битвы на [реке] Москве у Бородино (7 сентября 1812)»², которая представляла переработанные неким поклонником заметки, взятые из личного архива генерал-майора Гайзвайт ван дер Неттена. В первую очередь статья интересна эмоциональным описанием состояния и поведения переживших тяжелое сражение людей вечером и ночью после него. Также сделана попытка проанализировать ход битвы на Москве-реке и подвести её итоги, сказавшиеся на результатах всей кампании. Предлагаем перевод данной статьи с голландского языка и комментарии к ней, выполненные нами.

В ночь после битвы на [реке] Москве у Бородино (7 сентября 1812)

После полудня каждый жаждал конца столь кровавого дня. Истощенные беспрецедентными усилиями, искалеченные и разбитые ударами друг друга, две армии больше не имели возможности предпринимать серьезные и решительных попыток.

Они стояли друг против друга, уже не в состоянии действовать; и хотя иногда еще можно было слышать ружейный огонь и громовой рев артиллерии, всем было ясно, что взаимное истощение физических и моральных сил не позволит продолжиться борьбе.

Многие полки французской армии, особенно те, которые должны были атаковать или защищать основные спорные участки, сократились до немногих людей, едва способных на защиту своих орлов.

В беспрецедентной упорной битве со стороны России были использованы все резервы, так что не удивительно, что все части обеих армий были в одинаковом положении.

Для того чтобы составить представление о состоянии некоторых корпусов французской армии в конце боя, нужно быть очевидцем страданий и разрушений, понесенных и произведенных на поле боя, и больших и многочисленных жертв, которые в тот день должны были определить намерения и планы французского императора.

Из двух бригад легкой кавалерии большого 3-го армейского корпуса, присоединенных утром в день битвы к большому 2-му корпусу кавале-

рийского резерва, три основных командира были впоследствии убиты; под вражеским огнём они до последнего защищали позиции и были уничтожены почти полностью³, их сменила прекрасная Итальянская драгунская дивизия, которой одновременно было приказано охранять и при необходимости защищать завоеванные укрепления⁴.

Одной из этих бригад принадлежал 11-й гусарский полк, который ранее назывался 2-м полком голландских гусар и даже тогда почти полностью состоял из голландцев.

В начале 1812 г., при переправе через Рейн, в нем насчитывалось 1100 всадников, после битвы на [реке] Москве осталось только 46 человек!⁵

Остатки некогда прекрасного полка, чье доброе имя во французской армии пользовалось уважением, завоевавшего славу в нужде и лишениях, прошедшего через огонь и сталь и исчезнувшего из рядов армии, теперь возглавлял командир второго эскадрона, который после гибели и выбытия всех высших офицеров был привлечен к командованию всей бригадой. Он, бывший тогда ротмистром Корнелис Антониус Гайзвайт ван дер Неттен, поставил остатки 11-го гусарского в назначенном ему месте, ниже больших русских укреплений, и, чтобы дать как-то передохнуть уставшим лошадям, приказал спешиться, не покидая строя.

Этот чудом спасшийся офицер отдыхал, положив поводья на шею лошади, а рукой опершись на седло, и не отрывал глаз от того, что в этот тяжелый момент открывалось его взгляду. Это была неопишуемая сцена разрушений и страданий, залитая кровью столько храбрых товарищей, выжженная дочерна трава, взрыхленная гранатами земля, непроходимая из-за бесчисленных людских и лошадиных трупов, покрытая умирающими и их оторванными конечностями, оружием, снаряжением, разломанными тачками и повозками, перевернутыми орудиями, ядрами и т.д.; вид, который должен наполнить каждое сердце тоской, даже у тех, кто казалось почти полностью бесчувственен от горестей войны и опасностей, печалей, потерь и месяцев невероятных усилий. Как будто вулкан изверг ярость человеческих страстей и представил здесь во всей своей чудовищности.

В глубоком созерцании, отданный тем ужасным эмоциям, которые в течение всего дня без остановки чередовались от одной крайности к другой, еще ошеломленный страшным потрясением, когда одно ядро поразило его кивер и почти сбросило с лошади, в мучительной неопределенности, выиграна ли битва или пока не решена, офицер оставался на своем назначенном месте, когда штабной офицер проезжал мимо в другое место поля боя и крикнул ему: «Господин офицер, осторожно, будьте готовы не-

медленно соскочить». Едва этот офицер исчез из поля зрения, послышался сильный взрыв, и сразу стало заметно, что по полю боя распространяется огонь, вероятно, множество полных зарядных ящиков взлетело на воздух, пожар рядом с ними нужно было потушить, иначе какая судьба ждала бы до сих пор живых и беспомощно лежащих раненых солдат!

И внезапно вдохновленный надвигающейся опасностью и осознавая единственное средство спасения, ротмистр обратился к стоящему возле него бесстрашному, известному своим мужеством старшему вахмистру Вербуму; оба направились к опасному месту и преуспели в своих усилиях, огонь в непосредственной близости от зарядных ящиков, угрожающий быстро перекинуться на них, был потушен и тем самым предотвращены новые большие несчастья.

* * *

Казалось, что конец дня никогда не наступит. Каждый выглядел с терпением ожидающим вечера; и не удивительно! С 6 часов утра до 4 дня борьба продолжалась с беспримерной яростью и общим взаимным истощением и осталась, казалось, нерешенной.

К вечеру некоторые корпуса, которые требовали срочного отдыха, виднелись находящимися по приказу или по собственной воле на позициях, которые они занимали до боя. Так, целая бригада лёгкой кавалерии, которую после бесплодных приказов и напрасных ожиданий король Неаполя в волнении хотел получить, ночевала у захваченного 5-го сентября редута⁶.

В тишине и с грустными мыслями небольшие остатки бригады медленно двигались по полю боя, покрытому трупами и лошадьми, весь ужасный вид которых теперь был скрыт от множества глаз темнотой, хотя вместе с тем до каждого уха доходили стоны беспомощных несчастных. Как глубоко во все сердца западали такие сцены, тем не менее тут находились и такие, кто был в совершенно другом настроении и беспощадно выходил грабить и воровать, обыскивая мертвых или умирающих, забывая даже не представляющее никакой ценности.

На обратном пути они задержались на мгновение у одного из амбулансов в надежде предложить другу или знакомому некоторое облегчение или помощь. Вид этого места должен был неизгладимо остаться в памяти всех, кто его видел в ту ночь: в низине, рядом с высоко пылающими кострами, смешанная многочисленная толпа пеших и конных, посреди этого пространства виднелись разного вида (с непокрытой головой, оголенными руками, в брызгах крови) полуодетые воины, находящиеся в разных позах, работающие таким образом, что непосвященным это могло

показаться ужасной пыткой, что, казалось, подтверждали самые страшные стоны, прерывисто раздававшиеся в ушах.

По мере приближения впечатление менялось от еще более тяжелых и значительных подробностей. Число рядов разнообразно раненных каждое мгновение умножалось с появлением новых, умоляющих о помощи, которая могла быть предоставлена лишь немногим, находящимся под угрозой мгновенной смерти, часто при обслуживании испускающим последнее дыхание, а затем оставленным, чтобы вернуться к ожидающим своей очереди.

Большинство из них были ужасно искалечены, поскольку самые жестокие действия в этом сражении проделала артиллерия, их, содрогающихся, по необходимости поспешно, из-за отсутствия времени, обрабатывали.

Разбросанные вокруг нагромождения отрезанных конечностей, лужи крови, покрывающие землю, образовывали неопишемую сцену.

И в этом ужасном зрелище еще бросалось в глаза поведение некоторых мужчин, чей пример, демонстрирующий мужество и выносливость, поощрял несчастных, яркая память о которых, конечно, останется у всех очевидцев.

Так, один конный артиллерист императорской гвардии, рука которого была раздроблена пушечным ядром, явно с нетерпением ожидающий своей очереди на ампутацию, с большим хладнокровием обратился к ротмистру Гайзвйт ван дер Неттену: «Мой офицер, вы бы дали мне немного табака, чтобы набить трубку, пока я жду своей очереди!» Равным образом один шеф батальона, чья рука была оторвана, на вопрос о потерянной конечности ответил, что это не мешает ему ездить на лошади, на которой он и ускакал, как будто с ним ничего не случилось.

Гусары 11-го полка, оставив позади все страдания и стоны, наконец достигли отведенного для них места, также предназначенного для другой бригады лёгкой кавалерии генерала Бёрмана, вернее, ее остатков, так как она также понесла в бою очень большие потери.

Это место было у подножия возвышенности, в зарослях, которые были малопригодны в качестве топлива, и без всякого укрытия от порывов северо-восточного ветра, яростно поднявшегося к вечеру. Без соломы, без каких-либо покрывал, сидя на земле возле небольших тлеющих костров, без пищи и корма для лошадей, те немногие, кто остался от прекрасной бригады лёгкой кавалерии, провели там ночь, отдыхая после утомительного дня!

Только после многих усилий удалось обнаружить питьевую воду и немного хлеба, который они нашли у убитых русских, не замечая в темноте пропитавшей его крови; но это было несущественно, для утоления голода

использовалось мясо погибших лошадей, без соли, немного обжаренное на дымящемся зеленом хворосте, собранном у их прибежища. Все болота и пруды были в жидкой непролазной грязи, впитавшей запах крови, что заставляло лошадей с ужасом отпрядывать, но игнорировалось человеком.

Таким образом они провели ночь на поле боя. На голой возвышенности резко дул ветер, от которого располагавшиеся у маленьких костров солдаты мерзли. С каждым порывом ветра, завывающего в роще, смешивались, подобно звукам в мире духов, несчастные стоны бесчисленных, беспомощно лежащих на поле боя раненых, что жутким эхом разносилось вокруг, но они становились слышны слабее и вяло, холод гасил источник жизни в измученных телах, у немногих оставшихся кровь останавливалась, и наконец все сменилось безмолвием смерти. В конце концов наступило так горячо желаемое, ожидаемое в полной тревоге пасмурное утро, холодное и суровое, как предвестник неприятной осени, прекрасно гармонирующее с картиной, которую оно осветило и показало изумленному взору полную меру ужасов, представших так наглядно. Там, где в непосредственной близости от захваченной твердыни бушевала ожесточенная борьба, лежали груды трупов; так и в низинах, где искали убежища тяжелораненые и по большей части испутившие дух. Друзья и враги, люди и лошади смешались между собой, заваленные разбитыми повозками и безнадежно испорченными орудиями, в странных нагромождениях и контрастах; бесчисленные раненые, чьи потоки крови застыли от ночного холода, пробудились к утру от оцепенения, пришли в сознание, поняли ужас своего положения и с душераздирающей жалостливостью кричали о своих невыразимых страданиях или с потухшим взором умоляли о сострадании и в отчаянии обращались с мольбами о скорейшей смерти и конце их страданий; – вот что представало на каждом шагу.

Как и многочисленные и разнообразные человеческие страдания, так же сильно возбуждал сострадание вид тысяч верных соратников, благородных коней, которые здесь более чем когда-либо пали жертвами яростной борьбы или бродили в жалком состоянии.

Бригаде лёгкой кавалерии удалось наконец, после долгих поисков, обнаружить стоянку короля Неаполя, от которого они получили приказ вместе с Молодой гвардией наблюдать за полем боя и занять позицию у большой русской батареи.

Один на все времена страх – остаться на поле боя; тем более для Молодой гвардии и лёгкой кавалерии, чьей уникальности не место среди смертей. На закате дня мертвые поля начали возрождаться; ушли воюющие, оставив раненых, можно видеть теперь перемещения маленьких от-

рядов, одних для обнаружения дорогих приятелей, других, чтобы дать облегчение тяжелораненым. Глубокая серьезность была в выражениях лиц каждого, перемежающаяся то радостным восклицанием, когда находили кого хотели, то сдавленным криком жалости над безжизненным телом дорогого друга, либо тягостным молчанием, вызванным отчаянием от неспособности ободрить смертельно раненного, который беспомощным предоставлен своей жестокой судьбе и которому даже нельзя выкопать могилу и отдать последний долг, а приходилось оставлять добычей хищных зверей. Бесчисленное множество хищников, которых в этой стране в изобилии, привлеченных запахом крови, оставили свое одиночное существование и последовали за армией, ежедневно умножающей им изобилие, как бы приглашая пировать богатой добычей, которую великий серп смерти, казалось, пожал для них.

По показаниям обеих сторон, на поле боя насчитывалось 80 000 трупов и смертельно раненных; тысячи искалеченных и нашедших там голод и жажду усталых воинов. Предположительное число убитых лошадей в бою достигало 25 000!⁷

Только русская сторона, в соответствии с их собственным утверждением, потеряла в бою 50 000 человек!

Особенно ужасно пострадала русская пехота; тогда как во французской армии наибольшие жертвы в этот день понесла кавалерия. Из четырех командиров большого резервного корпуса Монбрен был поражен насмерть перед фронтом 11-го гусарского полка, а остальные трое были ранены⁸.

Немногие офицеры вышли целыми из боя; лошадям не хватало корма и надлежащего ухода, все были измучены и уже не в состоянии обслужить их. Поэтому не удивительно, что французская кавалерия после боя была бессильна и не могла принести ни малейшей пользы в сражениях, которые предстояли с русскими. Это почти невероятно, как много людей из французской кавалерии погибло в бою.

Девятый полк польских улан потерял в тот день 22 офицера, а саксонская бригада генерала Тильмана при взятии Семёновского редута и укреплений Раевского – 42 офицера, включая 28 раненых. Из 1030 человек, которые были до битвы в её рядах, после сражения насчитывалось только 420 боеспособных кавалеристов.

Страшной была судьба тысяч раненых как французской, так и русской армии, им не хватало средств для достойной заботы. К славе французских медиков, они не различали друзей и врагов, и тем, кто более нуждался в уходе, помогали в первую очередь.

Необозримоу Колоцкому монастырю, расположенному примерно в двух милях⁹ позади поля боя, суждено было стать пристанищем раненых, и тем не менее там было недостаточно построек, чтобы вместить большое количество этих несчастных. Хуже всего то, что число доступных врачей для них было совершенно неадекватным и что у них полностью отсутствовали средства для ухода за больными и перевязки раненых. Последствием всего этого явилось то, что лишь небольшое число из них было излечено, а большинство в отсутствие помощи и ухода умерло.

* * *

Слухи о том, что русские были отозваны и освободили свои позиции, подтвердились. Французы могли, таким образом, иметь честь считаться победителями на [реке] Москве; но у них было мало оснований удовлетвориться исходом битвы. Даже император Наполеон не был [доволен].

Было сказано, что хотя он и отдает должное храбрости, с которой шла борьба, но он далеко не удовлетворен полученными результатами, хотя все же нельзя отрицать, что он нанес русским тяжелые удары и глубокие раны.

Весь корпус русской армии был уничтожен, более 2000 офицеров вышло из строя, и только русская кавалерия и упряжки артиллерии остались в довольно хорошем состоянии.

Тому, что русская армия в битве на [реке] Москве не была полностью уничтожена, царь обязан дисциплине, которая существует в русской армии, и особенностям русских солдат, которые, не заботясь о своей последующей судьбе, непоколебимо и стойко остаются на назначенном им месте, пока не будут убиты в бою или по приказу удалятся. В году 1812 они, в отношении солдатского характера, по-прежнему были теми же русскими, которые сражались при Цорндорфе и Кунерсдорфе и про которых Фридрих Великий сказал: «Когда их убили, их надо еще толкнуть, чтобы они упали».

Наполеон, кажется, рассматривал и оценивал русскую армию с этой точки зрения и, скорее всего, по этой причине спланировал атаку так, чтобы попытаться прорваться слева от центра, а не после, как утверждается, предложения маршала Даву обойти левое крыло русской армии.

Следуя плану Наполеона проникнуть в центр, нужно было прорвать основную линию русской армии и нарушить её единство; единственное средство, чтобы привести различные части русской армии в замешательство; и кажется, что в основном этой цели Наполеон хотел достичь.

Если бы причины, имевшие для него первостепенное значение, о которых можно только гадать в тиши воспоминаний, в итоге не помешали

императору почти полностью использовать гвардию в бою и закончить его полной победой, то русская армия, как это было, бессильно сгрудившаяся на одном направлении, не уцелела бы, о чем в новой истории нет другого примера, только в анналах римской истории, в истории войн против варварских народов можно найти такие записи.

Мужество и храбрость французской армии произвели на русских такое впечатление, что в значительной степени с этим было связано фатальное возвращение из похода очень слабых отдельных отрядов французской армии, лишь призраков той былой торжественности, которым русские почти беспрепятственно дали пройти в одну сторону и довольствовались слабым преследованием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Попов А.И.* Из дневника голландского ротмистра [январь–сентябрь 1812] // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIX Междунар. науч. конф. Бородино, 2016. С. 23–41; *Он же.* Из дневника голландского ротмистра [октябрь–ноябрь 1812] // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы XXII Всерос. науч. конф. Малоярославец, 2015. С. 119–136; *Хомченко С.Н.* Письма капитана К.-А. Гайзвйт ван дер Неттена из русского плена // Там же. С. 166–175.

² *De avond na den slag aan de Moskowa of van Borodino (7 september 1812) // De Militaire Spectator. 1858. S. 377–382.*

³ В дивизию лёгкой кавалерии 3-го армейского корпуса под командованием бригадного генерала барона Мурье входили 9-я (французский 6-й шеволежерский, голландский 11-й гусарский, вюртембергский 4-й конно-егерский полки) и 14-я (французский 4-й конно-егерский, вюртембергские 1-й и 2-й шеволежерские полки) бригады лёгкой кавалерии и 2-я батарея вюртембергской конной артиллерии, всего – 1903 человека, 1932 лошади, шесть орудий. Из старших командиров дивизии в Бородинском сражении был убит полковник К. фон Пальм, ранены бригадный генерал барон Мурье и генерал-майор барон фон Бройнинг (вскоре умер), три полковника, шесть подполковников. Потери трех вюртембергских полков убитыми и ранеными при Бородине составили 22 офицера и 267 солдат, т.е. около 30%, хотя говорить о почти полном уничтожении не приходится.

⁴ В ходе Бородинского сражения дивизия лёгкой кавалерии 3-го армейского корпуса действовала в районе Семёновских (Багратионовых) флешей. Итальянские же гвардейские драгуны находились в резерве 4-го армейского

корпуса, штурмовавшего Большой редут (Батарею Раевского).

⁵ В 11-м гусарском были ранены полковник Коллаэрт (контужен при падении с лошади), шефы эскадрона Мотте и Пэзан де Ламотт, капитаны Маршан-Лилле, Гайзвайт ван дер Неттен, лейтенант ван Нийвенхайм, су-лейтенанты Брандт (умер), Бастерс ван Зуйлен и Эделин.

⁶ То есть у Шевардинского редута.

⁷ В ходе захоронения мертвых тел, организованного русской администрацией, с октября 1812 по май 1813 г. на Бородинском поле было закопано и сожжено 49 887 человеческих тел и 36 931 конская падаль.

⁸ Дивизионные генералы, командиры корпусов кавалерийского резерва: 1-го – граф Э. Шампньон де Нансути, 2-го – граф Л.П. Монбрен, 3-го – граф Э. Груши, 4-го – барон М.В.Н. Латур-Мобур.

⁹ Имеется в виду немецкая миля – 7 420 м.